

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания восьмой

1

1964

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ

ланском районе Ферганской области из 248 учителей более 190 человек были активными агитаторами²⁵. В Чиназском районе Ташкентской области агитаторами в колхозах работали 117 учителей и т. д.

Коммунистическая партия и Советское государство высоко оценили заслуги советских учителей в деле воспитания и обучения подрастающего поколения и их активное участие в общественно-политической жизни страны. В 1944 г. был учрежден значок «Отличник народного образования», которым были награждены тысячи лучших учителей.

В связи с празднованием 20-летия Узбекской ССР в декабре 1944 г. Верховный Совет СССР награждал орденами и медалями Советского Союза большую группу лучших учителей Узбекистана, а Прези-

диум Верховного Совета УзССР присвоил 179 работникам просвещения высокое звание «Заслуженный учитель»; 600 учителей республики были награждены Почетными грамотами Верховного Совета УзССР.

Богатый опыт подготовки учительских кадров, накопленный в годы Великой Отечественной войны, был значительно развит и приумножен в послевоенные годы. Изучение его представляет теоретический и практический интерес и на современном этапе развернутого строительства коммунизма, когда советская школа решает ответственные задачи, поставленные перед нею историческими решениями XXII съезда партии и новой Программой КПСС.

Т. В. Гольянова

К ИСТОРИИ ИРРИГАЦИИ В ХИВИНСКОМ ХАНСТВЕ КОНЦА XIX—НАЧАЛА XX ВЕКА

Основу экономики Хивинского ханства — одного из феодальных государственных образований дореволюционной Средней Азии — составляло сельское хозяйство, издавна базировавшееся на искусственном орошении.

Созданная трудом многих поколений ирригационная система играла важную роль не только в хозяйственной, но и в социально-политической жизни страны. Оросительная сеть, как и земля, находилась в руках господствующего класса феодалов, использовавших ее как орудие жестокой эксплуатации непосредственных производителей, укрепления ханской власти и подавления антифеодальных выступлений народных масс.

Известно немало случаев, когда ханские власти лишали воды целые районы, население которых поднималось против своих угнетателей. Например, В. В. Бартольд отмечает, что в середине XIX в. близ крепостей Газнабад (Газоват), Таххауза (Таппауз) и Халили (Ильяли) были воздвигнуты плотины для того, чтобы лишить воды туркменское население южных районов Хорезма, выступавшее против ханского гнета¹. В конце октября 1857 г. по приказу хивинского хана был закрыт канал Лаузан², служивший одной из основных водных магистралей северо-западных районов Хивы, также населенных туркменами. Здесь была даже построена крепость для охраны плотин от «посягательств» туркмен.

²⁵ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 58, оп. 18, д. 890, л. 188.

¹ В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, СПб., 1914, стр. 100—101.

² Я. Г. Гулямов, История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, стр. 229.

живущих по Дарьялыку³. С тех пор орошаемые земли северо-западных районов, ранее имевших развитую ирригационную сеть, превратились в бесплодную пустыню.

Русский исследователь А. Кун, посетивший Хиву в начале 70-х годов XIX в., писал в своих путевых заметках: «От урочища Шамурада до Куни-уренча (земля. — А. К.) представляет гнусный вид: путешественника поражает масса богатейших, удобных для хлебопашества, но заброшенных земель. Следы высохших каналов живо напоминают о недавней жизни этого ныне заброшенного уголка: разорение местности, как говорят, произошло с того времени, как высох Лаузан, древнее русло Аму-Дарьи, запущенное во время последнего восстания туркмен по повелению настоящего хана»⁴.

С той же целью были закрыты и другие источники воды — каналы Шамрад, Синай-яб, Мехтар-ярған, Хан-яб и др.⁵ Жители этих районов (главным образом туркмены), бросив свои плодородные земли, были вынуждены откочевать в другие места.

Описывая результаты закрытия Лаузана и других туркменских каналов, начальник Аму-Дарьинского отдела сообщал управляющему канцелярией туркестанского генерал-губернатора (январь

³ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 27, л. 1564, л. 2.

⁴ А. Л. Кун, Поездка по Хивинскому ханству в 1873 г., Туркестанский сборник, т. 83, стр. 184; его же, От Хивы до Кунграда, Материалы для статистики Туркестанского края, Ежегодник, вып. IV, СПб., 1876, стр. 212.

⁵ В. Петрусевич, Предварительный отчет по исследованию Дарьялыка (Узбоя) в местности между Аму-Дарьей и Сарыкамышем, Туркестанские ведомости, 1879, № 15.

1902 г.), что «это обстоятельство привело к середине минувшего столетия к откочеванию из хивинских пределов значительного количества сарыков⁶ в афганские пределы и удалению многих йомудов частью на низовья (каналов. — А. К.) Газавата и Шавата...»⁷

Часть жителей указанных районов вынуждена была перейти к занятию скотоводством, используя далекие пастбища Каракумов, а некоторые из них, лишенные всяких средств к существованию, стали «заниматься грабежами»⁸.

В еще более худших условиях находились каракалпаки, жившие на территории Хивинского ханства. Хотя хивинские ханы постоянно использовали каракалпаков в походах против других народов и племен, им не давали даже тех ограниченных льгот, которыми пользовались нукеры из туркмен и узбеков. Каракалпаков заставляли, в частности, сооружать оросительные каналы на землях туркмен и содержать их в чистоте⁹.

В то же время ханские власти нисколько не заботились об обеспечении водой посевов самих каракалпаков. Об этом свидетельствует, например, жалоба каракалпаков, живших по арыку Бек-яб Кунградского бекства, поданная на имя хивинского диванбеги в 1900 г. В жалобе говорилось, что хотя местное население само страдает от безводья, его сгоняют на очистку йомудского канала Лаузан¹⁰.

Особенно остро нуждались в воде жители каракалпакских селений Шур-Кулча, Ачамайли и Кият Кунградского бекства, расположенных по арыку Бек-яб. Из их жалоб видно, что лишь в многоводные годы к ним иногда поступало некоторое количество воды, которое нисколько не удовлетворяло потребности их хозяйства¹¹. Подобные жалобы трудящихся каракалпаков были отнюдь не единичными¹². Однако ханские власти оставляли их без внимания и аккуратно взимали с каракалпаков водный налог (суб-пули)¹³ и

⁶ Сарык — название туркменского рода. По утверждению Ю. Э. Брегея, сарыки селились в различных районах ханства (Ю. Э. Брегель, Хорезмские туркмены в XIX веке, М., ИВЛ, 1961, стр. 39).

⁷ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 12, л. 1075, л. 5.

⁸ Х. Гельман, Обводнение старого русла реки Аму-Дарья, Ташкент, 1900, стр. 5.

⁹ Я. Гулямов, История орошения Хорезма..., стр. 223.

¹⁰ ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 1, д. 419, л. 4.

¹¹ Там же, д. 47, л. 53.

¹² Там же, д. 419, л. 5.

¹³ Судя по архивным данным, «суб-пули» — это водный налог, который взимали в Хиве с крестьян в размере 20 руб. в год с каждых 10 танавов поливной земли (см. ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 1, д. 469, л. 63).

другие подати и сборы. Поэтому многим каракалпакам пришлось покинуть свои плодородные земли и переселиться в другие места. Часть из них стала заниматься кочевым скотоводством. Многие же переходили на правый берег Аму-Дарьи с разрешения или без разрешения начальника Аму-Дарьинского отдела¹⁴. По данным начальника этого отдела, из Хивинского ханства в Чимбайский участок Аму-Дарьинского отдела в 80-х годах XIX в. самовольно перекочевало около 700 семейств каракалпаков¹⁵.

Лишение малых народов воды и огущение их плодородных земель нанесли большой урон и самой казне, ведя к сокращению налоговых и других сборов с населения Куны-Ургенского и Кунградского бекств.

Следует учесть также, что в конце XIX в. происходили изменения в социально-экономической жизни Хивы. С установлением русского протектората (1873 г.) в экономику ханства стал проникать российский торгово-промышленный капитал. Появились промышленные предприятия полукустарного типа. В Ново-Ургенче, Ташаузе, Хиве, Ханки, Гурлене и других городах в конце 90-х годов XIX в. работало уже около 10 хлопкозаводов. Закаспийская железная дорога, соединившая Хиву с Центральной Россией, способствовала росту внутренней и внешней торговли ханства. Развивался и водный транспорт.

Все это вело к усилению товарности сельскохозяйственной продукции, особенно хлопка и семян люцерны. Хива превращалась в один из поставщиков хлопкового сырья для русской текстильной промышленности. В 1889 г. из Хивинского ханства в Россию было вывезено 150 тыс. пудов хлопка, а в 1894 г. — почти 328 тыс. пудов. Кроме того, из ханства вывозилось все большее количество семян люцерны. В среднем из Хивы через Россию и Германию (Гамбург) в Америку ежегодно отправлялось до 250 тыс. пудов семян люцерны¹⁶. Хан и местные феодалы получали немалые прибыли от этой торговли и потому были заинтересованы в увеличении посевов хлопчатника и люцерны. А для этого надо было возобновить орошение опустошенных земель туркмен и каракалпаков.

Вместе с тем рос и интерес русской колониальной администрации Туркестана к плодородным землям северо-западных районов ханства. Это видно, например, из письма туркестанского генерал-губернатора на имя хивинского хана (октябрь 1893 г.), в котором говорилось: «В настоящее время вода в низовьях Аму-

¹⁴ ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 1, д. 4, л. 43.

¹⁵ Там же, ф. И-1, оп. 14, д. 649, л. 7—8.

¹⁶ Журн. «Туркестанское сельское хозяйство», 1915, № 7, стр. 732.

Дарьи пропадает даром. Между тем представляется полная возможность пользоваться этой водой для оживления тех пространств, кои теперь могли бы превратиться в плодородные земли. Земли эти расположены отчасти по Лаузану, отчасти по старому руслу Аму-Дарьи, называемому Куня-Дарьей. На землях этих и ранее сего жили туркмены, но предместник ваш..., желая усмирить возмущившихся туркмен, лишил их воды. В настоящее время... есть полная возможность восстановить и расширить эту полосу культуры, оросив снова земли, которые принадлежали вашему предку... Самое удобное и благоприятное разрешение вопроса о сборе излишней воды из Аму-Дарьи возможно ожидать от пропуска ее по Лаузану¹⁷.

Далее генерал-губернатор указывал, что если хан не может осуществить эти работы за свой счет, то придется «ходатайствовать» о выполнении их за счет русского правительства, и тогда все вновь брошенные земли по справедливости и согласно местным обычаям поступят в собственность России¹⁸.

Таким образом, хан был поставлен перед выбором — либо самому позаботиться об орошении этих земель, либо отдать их в распоряжение царского правительства. И хивинский хан вынужден был предпринять обводнение старого русла Аму-Дарьи на основе проектов, разработанных хивинскими специалистами и почти не совпадавших с проектом, предложенным генерал-губернатором края.

Работы начались в апреле 1894 г. под руководством Мухаммед Мурада диванбеги. Новый канал был выведен из Аму-Дарьи в 8 верстах ниже головы старого Лаузана¹⁹. Длина нового канала составляла 39 верст²⁰. Вместе с тем восстанавливалась и плотина Салах-Бент²¹ — сооружение туземного типа, сплошь перегораживавшее русло Куня-Дарьи и образовавшее большой затон воды. Этой водой население орошало свои поля, используя старые арыки, расстка которых началась с весны 1897 г. К 1900 г. было восстановлено 14 старых арыков общим протяжением 204 версты, не считая боковых и мелких ветвей²².

Все эти трудоемкие работы²³ произво-

дились в течение 6 лет принудительным трудом 426 тыс. крестьян²⁴. На выполнение ирригационной повинности крестьян привлекали в разгар полевых работ, что отрицательно сказывалось на их хозяйстве²⁵.

Следует отметить, что все работы по проведению и очистке нового канала производились почти исключительно узбеками²⁶. Туркмены же, пользовавшиеся водой из этой системы, на оросительные работы не привлекались. Дело в том, что трудящиеся узбеки отбывали ирригационные работы в виде государственной повинности, т. е. бесплатно. Если бы на эти работы были привлечены туркмены, то ханское правительство лишилось бы тех податей, которые «владельцы атыками уплачивают в ханскую казну по две тилли (3 руб. 60 коп.), взамен отбывания ирригационной повинности, натурою с 30 танапов земель»²⁷, а также другого вида податей — дахак (десятина), уплачиваемого прочим туркменским населением ханства, пользовавшимся государственной землей²⁸. Вот почему туркмены не были привлечены к работам по орошению земель северо-западного района.

В результате ирригационных работ стало возможным орошение тех плодородных земель, которые некогда были заброшены в связи с закрытием Лаузана. Водой из 14 арыков было орошено 2840 танапов (1065 десятин) земли²⁹. После этого, как отмечают источники³⁰, на старые земли возвратилось 1045 кибиток ранее откочевавших туркмен.

В апреле 1900 г. было устроено еще одно головное сооружение для нового канала и одновременно расчищена старая голова канала. В результате в мае того же года обширное русло Дарьялыка было наполнено водой³¹. К середине 1900 г. площадь посевов в районе Куня-Ургенча увеличилась до 3750 десятин

²⁴ ЦГА УзССР, ф. И-7, оп. 1, д. 2203, л. 44.

²⁵ Срок выполнения государственной повинности, по установленному правилу, не должен был превышать 12 дней, но фактически он длился 15—20, а иногда и 50 дней (О. Шапский, Аму-Дарьинские очерки, Ташкент, 1900, стр. 71). На строительстве же нового канала крестьянам приходилось работать еще дольше, ибо чтобы добраться до русла Куня-Дарьи, им надо было затратить на дорогу до 20 дней и более.

²⁶ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 12, д. 2075, л. 7.

²⁷ Там же, л. 4, 7.

²⁸ Там же, л. 4.

²⁹ Там же, д. 2102, л. 4.

³⁰ Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, ч. II, Ташкент, 1903, стр. 121.

³¹ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 12, д. 2102, л. 24.

¹⁷ ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 1, д. 33а, л. 8.

¹⁸ Там же, л. 11.

¹⁹ Там же, ф. И-7, оп. 1, д. 2203, л. 40.

²⁰ Х. Гельман. Обводнение старого русла реки Аму-Дарьи, стр. 19.

²¹ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 12, д. 2075, л. 7.

²² ЦГА УзССР, ф. И-7, оп. 1, л. 2203, л. 57.

²³ Все работы производились примитивными орудиями — белем (местной лопатой) и кепчой (вид небольшой лопаты).

(10 тыс. танапов), т. е. более чем втрое по сравнению с 1899 г.³²

Новый канал стал не только источником орошения, но и торговой трассой для жителей районов Салах-Бента, Куны-Ургенча и Ходжейли. Пользуясь какими-либо небольшими размерами (поднимавшими до 300 пудов груза), вновь поселявшиеся здесь туркмены вели меновую торговлю с Куны-Ургенчем и Ходжейли.³³

Некоторые мероприятия по орошению земель были осуществлены и в районах Кунграда и Шуманая. Так, весной 1900 г. был расчищен Урыкли-арык, очищено и выпрямлено русло Бек-яба, где работало 1100 человек.³⁴ В апреле-мае 1905 г. для обеспечения водой около 20 тыс. кибиток из племен ачамайли, ганжигали, итаки, нугай, сагир, кириты и других была прорыта новая голова арыка Бек-яб, в 40 верстах к северо-востоку от Кунграда. Далее Бек-яб был слит с арыком Талдык.³⁵

Однако мероприятия ханских властей по обводнению старого русла Аму-Дарьи и орошению земель Кунградского бекства далеко не обеспечивали потребности местного населения в оросительной воде. Если бы правительство Хивы провело работы хотя бы в масштабах проекта, предложенного русскими специалистами, то культурная полоса земли по Куны-Дарье увеличилась бы на 100 000 десятин (250 000 танапов).³⁶ Но это мало интересовало правящую верхушку ханства. Хан боялся, что если пропустить достаточное количество воды по старому руслу Аму-Дарьи, то туркмены перекочат в районы нижнего течения Куны-Дарьи и тогда будет затруднен сбор с них земельных и других налогов.³⁷

Ханские власти не проявляли должной заботы об очистке и ремонте существующих каналов. Как отмечалось в письме

начальника Аму-Дарьинского отдела управляющему канцелярии туркестанского генерал-губернатора (октябрь 1900 г.), вновь созданная голова канала Лаузан быстро засорилась, а в середине июля ток воды по ней почти прекратился и продолжала действовать лишь старая голова канала.³⁸ «Власти не принимали никаких мер к увеличению притока воды в Дарьялык через старую голову Лаузана... и так окончательно лишили туркмен возможности поливать своевременно свои пашни, которые от недостатка воды высохли и туркмены получили с них едва третью часть ожидаемого сбора».³⁹ «Особенно страдали те, которые обрабатывали землю ниже Салахбента, в урочищах Яныкбасу, Атакрылган (Ат-Крылган. — А. К.) и Чардаре..., а некоторые из них потеряли все свои посевы».⁴⁰

Ток воды в Лаузанах год от года становился все меньше и меньше. Когда же в начале 1905 г. туркменское население направило 200 выборных для выяснения положения в голове канала, то оказалось, что «голова канала аршина на два выше уровня воды в реке Аму-Дарье»⁴¹, и потому вода не могла поступать на поля. А к 1911 г. «многие земли, прежде обрабатываемые, оказались заброшенными».⁴² Состояние орошаемого земледелия, как и всей экономики ханства, еще более ухудшилось в годы первой мировой войны.

Положение трудящихся масс Хивинского ханства, задавленных двойным гнетом царских колонизаторов и местных феодалов, становилось все более невыносимым. И только победа Великого Октября, навсегда избавившая народы нашей страны, в том числе трудящихся Хорезма, от всякого гнета и эксплуатации, открыла им светлый путь к свободе и счастью — путь к социализму.

А. Кошчанов

³² ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 12, д. 2102, л. 27, 29.

³³ Х. Гельман, Обводнение старого русла реки Аму-Дарьи, стр. 27.

³⁴ ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 1, д. 8, л. 246.

³⁵ Там же, ф. И-1, оп. 12, д. 2011, л. 1—2; ф. И-125, оп. 1, д. 200, л. 1; д. 219, л. 3.

³⁶ Там же, д. 33а, л. 11.

³⁷ Там же, д. 19, л. 28.

³⁸ Там же, ф. И-1, оп. 12, д. 2102, л. 24, 25.

³⁹ Там же, ф. И-125, оп. 1, д. 73, л. 7.

⁴⁰ Там же, ф. И-1, оп. 12, д. 2102, л. 25.

⁴¹ Там же, оп. 27, д. 1652, л. 2.

⁴² Там же, оп. 12, д. 1526, л. 197.

А К А Д Е М И Я Н А У К У З Б Е К С К О Й С С Р

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания девятый

10

1965

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“ УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ

Правящие круги России, торговцы и промышленники понимали, что положение может измениться лишь в том случае, если производство и вывоз хлопка будут сосредоточены в руках русских предпринимателей. Но для этого надо было завоевать среднеазиатские рынки, и такое требование все настоятельнее раздавалось в кругах российского купечества. Однако в то время царское правительство еще не могло предпринять завоевание Средней Азии. К

тому же Россия, как отмечал Ф. Энгельс, «всегда старалась по возможности избежать войн и допускала их только как самое крайнее средство, да и то лишь при исключительно благоприятных условиях»²⁸. Превращение Средней Азии в колонию царизма произошло лишь во второй половине XIX в., когда Россия, вступившая на путь капиталистического развития, получила реальную возможность для захвата Средней Азии вооруженным путем.

Г. А. Михалева

ИНТЕРЕСНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О РЕМЕСЛЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ В ХИВЕ XIX ВЕКА

Изучение жизни и обычаев среднеазиатских ремесленников имеет большое научное значение. И неслучайно вопрос о ремесле был предметом ряда исторических и этнографических исследований. Изучением и описанием отдельных городских и сельских ремесел Средней Азии в разное время занимались А. Д. Гребенкин¹, М. Ф. Гаврилов², А. Н. Самойлович³, И. И. Зарубин⁴, А. Ю. Якубовский⁵, А. М. Беленицкий⁶, М. Ю. Юлдашев⁷, Е. М. Пешерева⁸,

О. А. Сухарева⁹, И. Джаббаров¹⁰ и др.

Однако работ, посвященных истории ремесел в Хивинском ханстве, тем более написанных по архивным документам, мы еще не встречали.

Между тем, благодаря обнаружению архива хивинских ханов, мы располагаем сейчас интересными архивными документами о ремесленниках Хивы.

Как известно, архив хивинских ханов был конфискован генералом Кауфманом при занятии им Хивы в 1873 г. Один из участников Хивинского похода, востоковед А. Л. Кун успел тогда ознакомиться с некоторыми документами архива и сообщил о них краткие сведения в одной из заметок в газете «Туркестанские ведомости» (1873, № 32):

В 1936 г. ныне покойному проф. П. П. Иванову удалось обнаружить этот архив в рукописном фонде Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Подробное исследование и описание Хивинского архива было дано П. П. Ивановым в его известном труде «Архив Хивинских ханов XIX века» (М., 1941).

В 1948 г. проф. М. Ю. Юлдашев, работая в фондах быв. Азиатского музея (архив Института народов Азии АН СССР, Ленинград), выявил большое количество неизвестных тетрадей Хивинского архива. Путем тщательных сопоставлений их между собой и с другими материалами ему удалось

¹ А. Д. Гребенкин, Ремесленная деятельность таджиков Зеравшана, Туркестанский сборник, т. 52, стр. 511—515.

² М. Ф. Гаврилов, Рисоля сартовских ремесленников, Ташкент, 1912; его же, О ремесленных цехах Средней Азии, «Известия Среднеазиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы», вып. III, Ташкент, 1928, стр. 223—241.

³ А. Н. Самойлович, Рецензия на книгу М. Ф. Гаврилова. Рисоля сартовских ремесленников, Живая старина, 1915, вып. I—2; его же, Туркестанский устав-рисоля цеха артистов, «Этнографический отдел Государственного русского музея. Материалы по этнографии», т. 3, вып. 2, М., 1927, стр. 53—56.

⁴ И. И. Зарубин, Материалы и заметки по этнографии горных таджиков, Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук, V, Пг., 1918, вып. I, стр. 97—148.

⁵ А. Ю. Якубовский, Самарканд при Тимуре и Тимуридах, Л., 1933.

⁶ А. М. Беленицкий, Организация ремесла в Самарканде XV—XVI вв., КСИИМК, вып. 6, 1940, стр. 43—47.

⁷ М. Ю. Юлдашев, К вопросу о ремесленном производстве в Бухарском ханстве XVI—XVII вв., Общественные науки в Узбекистане, 1961, № 4, стр. 30—36.

⁸ Е. М. Пешерева, Гончарное производство Средней Азии, М.—Л., 1959; ее же, Ремесленные организации Средней Азии в конце XIX и начале XX вв., М., 1960.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 22, стр. 16.

⁹ О. А. Сухарева, Позднефеодальный город Бухара конца XIX—XX вв., Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1962.

¹⁰ И. Джаббаров, Об ученичестве в ремесленных цехах Средней Азии в конце XIX—XX вв., «Материалы второго совещания археологов и этнографов в Средней Азии», М.—Л., 1959, стр. 81—87; И. Джаббаров, Из истории ремесла в дореволюционном Узбекистане, «Краткие сообщения Института этнографии», вып. XXXII, М., 1959, стр. 74—84.

установить, что они относятся к середине XIX в.¹¹

Среди вновь найденных документов нас заинтересовали материалы, касающиеся ремесленных организаций в Хивинском ханстве. Эти организации сохранялись в среднеазиатских ханствах вплоть до победы Октябрьской революции и, в зависимости от конкретных историко-экономических условий, находились на различных ступенях развития, от самых примитивных форм до развитых городских ремесленных организаций, имевших сходство с западноевропейскими цехами¹².

Здесь нам хотелось бы остановиться на некоторых документах, рассказывающих об обычаях ремесленников в Хиве середины XIX в.

В нашем распоряжении имеется 10 документов, освещающих: 1) обычаи медников — *طريقه رسم مسکری* (тарикан расми мисгари); 2) кузнецов — *تیمورچی-لارنینک دستوری* (тимирчиларининг дастури); 3) красильщиков — *کبودلارنینک دستوری* (кабутларининг дастури); 4) продавцов чая — *چای فروش لارنینک دستوری* (чайфрушларининг расми); 5) продавцов халатов — *چفان فروش لارنینک دستوری* (чафонфрушларининг дастури); 6) мясников — *قصابلارنینک رسم دستوری* (касобларининг расми дастури бултурур); 7) шапочников — *تېلفک دوز-لارنینک رسم رومی* (телфак дузларининг расми-русуми); 8) весовщиков — *ترازودارلارنینک رسم قاعدی* (тароздорларининг расми коидаси); 9) сапожников — *طريقه رسم رسوم موزهوز* (тарикан расми-русуми музадуз); 10) бакалейщиков — *بقال لارنینک رسم بول تورور* (баққолларининг расми бултурур).

В среднеазиатских ханствах право быть мастером переходило обычно по наследству от отца к сыну или младшему брату, но существовал и институт ученичества. Родители или родственники подростка, желая обучить его какому-либо мастерству, отдавали мальчика в ученики соответствующему мастеру, заключая с ним определенное согла-

шение. Для наглядности приведем бухарский формулярник отдачи ребенка в ученики ткачу («хатти-шоғирди») ¹³.

«В такой-то год и число такой-то сын такого-то согласился о следующем:

Я своего несовершеннолетнего сына такого-то отдал такому-то мастеру в законные наймы, начиная с этого времени, на полных 5 лет на такую-то сумму.

В течение этого срока упомянутый мастер какую бы законную работу ни поручал этому мальчику, все он будет выполнять.

Еще как отец я получил от мастера сумму, которую он должен был отдать. С того времени мастер должен обучить мальчика искусству ткача и все работы, касающиеся этого ремесла. Я поручил мастеру остаток от выданной мне суммы тратить на необходимое пропитание и одежду мальчика. Этот [договор] был заключен при доверенных лицах».

В действительности же никто никаких денег не получал и не отдавал, документы, составлялись только для формальности. Как видно, ученик должен был прислуживать мастеру по хозяйству и попутно обучаться ремеслу ткача. Это означало, что отец вверял мастеру всю дальнейшую судьбу мальчика вплоть до посвящения его в мастера.

Учеников брали обычно в возрасте 13—14 лет, и в обучении они находились 6—8 лет.

Официальным покровителем ремесла (пир) везде считался святой Давид, от которого, согласно легенде, мастерство перешло к остальным людям. Обучавший ученика мастер также был для него пиром, и о самом поступлении в обучение, например, в Дарвазе и Каратегине, так и говорились: «Дасти пир герифтан» — «Взяться за руку пира».

За время обучения ученик усваивал весь ритуал, связанный с почитанием мастерской и культом арвохи-пирон (духов предков — покровителей ремесла)¹⁴.

Хозяином ремесленной мастерской был мастер, эксплуатировавший труд подмастерьев и учеников. Ученики не получали никакой оплаты за свой труд, если не считать каких-то подачек в праздники, а иногда и в базарные дни.

Цеховой устав (рисоля) требовал от учеников (шагирт) беспрекословного повиновения мастеру, угрожая непослушным вечными муками в загробном мире.

Из литературных источников известно, что всякие собрания ремесленников проходили в пятницу. В эти же дни устраивались и посвящения в мастера. Все приглашенные члены цеха прямо из мечети, после

¹¹ М. И. Пулдошев, Хива хонлигида феодал ер эгалиги ва давлат тузилиши, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1959.

¹² Е. М. Пешерева, Ремесленные организации Средней Азии конца XIX — начала XX вв., «Доклады делегации СССР на XXV международном конгрессе востоковедов», М., 1960, стр. 1.

¹³ Мы пользуемся здесь любезно предоставленным нам О. Д. Чехович документом, обнаруженным ею в Институте народов Азии (Ленинградское отделение), ркп. А-933, л. 106—107а.

¹⁴ Е. М. Пешерева, Ремесленные организации Средней Азии в конце XIX и начале XX вв., стр. 3.

утреннего намаза, шли в дом будущего мастера, где их угощали чаем, сладостями и пловом. Сам шагирт при этом отсутствовал. Затем цеховой старшина или кто-нибудь из членов цеха совершал обряд подпоясывания («камарбасте»), что означало официальное посвящение в мастера.

У гончаров Хорезма этот обряд совершал сам мастер, который должен был благословить шагирта; у токарей подпоясывание производил пейкал данного цеха¹⁵.

Имеющиеся в нашем распоряжении документы из архива хивинских ханов позволяют в какой-то мере дополнить сведения о ремесленниках в среднеазиатских ханствах XIX в.

Весьма оригинальными были обычаи хивинских медников. Здесь мы встречаем обряды пир-арвохи, посвящения в мастера («камарбасте»), а еще обычай класть под мышку молодому мастеру лепешку, которую он разламывал уже в собственной лавке (дукан)¹⁶ вместе со своими коллегами по ремеслу. Сведения об этом мы находим в документе, содержащем наставление для членов цеха медников.

Документ этот озаглавлен «Тарикан расми мисгарни». Имеется приписка на русском языке: «ремесла медников» (очевидно, сделанная рукой А. Л. Куна). Ниже приводится текст выполненного нами перевода этого наставления: «Способ проведения обряда медников. Они имеют калантара [старосту] и у них есть [обычай] пир-арвохи, который ремесленники отмечают еженедельно по очереди. Всех людей, занимающихся ремеслом медника, собирают в одно место и режут барана и устраивают угощение. Туда приглашают двух-трех седебородых мулл, которые читают такбир (т. е. произносят формулу «Аллаху акбар») и фатиху. Таким образом, в каждую неделю кто-нибудь один поочередно устраивает [угощение]. Если чей-либо ученик и посвящается в мастера, то он [ученик] режет барана, пригласив всех, кто занимается ремеслом медников, устраивает [обряд] пир-арвохи и, надев на своего мастера халат, посвящается в мастера. Это производят таким образом: сначала на шею ученика набрасывают белый кушак, а затем два человека спускают его с шеи на поясицу, и когда спускают с шеи, читают такбир и завязывают концы [кушака], продолжая читать такбир. После этого он здоровается с присутствующими, которые уже посвящены в мастера. Затем ему кладут за пазуху лепешку

¹⁵ Цеховая администрация хорезмских ремесленников состояла из двух человек — главы цеха (калантар) и его подручного (пейкал).

¹⁶ М. Ю. Юлдашев в своей книге «К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI—XVII вв.» (Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1964, стр. 16) отмечает, что термин «дукан» употреблялся и в смысле лавки (магазина), и для обозначения кустарной мастерской.

и дают напутствие: «Там, где ты откроешь лавку, разломи эту лепешку». Тогда тот уходит и, открыв свою лавку, разламывает лепешку и ест ее со своими сотоварищами по ремеслу. После этого он входит в общее число и когда подходит его очередь, также устраивает пир-арвохи»¹⁷.

Описанные в этом документе обычаи отличаются от обычаев кузнецов (по описанию Е. М. Пещеревой) тем, что здесь есть обряд разламывания лепешки и угощения ею всех коллег по ремеслу. Наш документ интересен и как свидетельство о том, что в Хивинском ханстве существовали уже союзы (касабы)¹⁸ ремесленников.

Анализ имеющегося в нашем распоряжении документа об обрядах кузнецов показывает, что они были примерно такими же, как и у медников (обряды пир-арвохи, камарбасте, закладывание лепешки под мышку).

Некоторым своеобразием отличались обряды красильщиков, как это видно из архивного документа под названием «Кубурларнинг дастури» (наставление красильщиков). В нем говорится: «Они имеют одного старосту и у них есть [обычай] пир-арвохи. Один из них устраивает угощение и все красильщики, собравшись, едят его плов и воду. Здесь кто-либо получает фатиху [говорит] через 15—20 дней я дам угощение. Затем он устраивает угощение по своим возможностям».

Далее в документе следует зачеркнутый текст: «Если кто хочет совершать обряд посвящения [в мастера], то объявляет об этом и соединяет с обрядом пир-арвохи, и тот кушак накидывают на шею, затем опускают на поясицу и перевязывают [три раза]»¹⁹.

В документе об обычаях продавцов чая говорится, что «у продавцов чая имеется свой староста [калантар], и они еженедельно по средам поочередно справляют [обычай] пир-арвохи. Более состоятельные режут барана и готовят плов, а кто не может резать барана, то покупает мясо. До того как есть плов, читают молитву, посвящают ее своему пир-арвохи. Поев плов, произносят такбир и отправляются по своим лавкам. Если кто-либо хочет открыть свою лавку, то должен принести девять лепешек и виноград,

¹⁷ Институт народов Азии АН СССР, Ленинградское отделение, ф. 23, оп. 1, пап. 8, тетр. 7.

¹⁸ В литературе по Средней Азии слово «касаба» принято переводить как «цех», однако не следует забывать, что организации и функции ремесленных объединений в Средней Азии лишь более или менее приближались к организациям и функциям западноевропейских цехов, представляя собой раннюю ступень их развития (Е. М. Пещерова, Гончарное производство Средней Азии, стр. 311).

¹⁹ Институт народов Азии АН СССР, Ленинградское отделение, ф. 33, пап. 8 (на отдельных листах).

пригласить калантара и двух-трех старцев, получить у них фатиху, а затем открыть лавку и торговать чаем. Если он таким образом не сделает, то калантар не даст ему разрешения. Люди его будут считать грешником. И только получив от него угощение, простят ему его вину²⁰.

Здесь, на наш взгляд, составитель допустил ошибку, назвав среду днем проведения пир-арвохи, тогда как известно, что все подобные обычаи справлялись только по пятницам.

В описании обычаев продавцов халатов

указывается, что пир-арвохи отмечается поочередно через каждые 15 дней.

Ранее мы почти не имели документальных источников о ремесленных организациях в Хивинском ханстве. Поэтому вновь выявленные материалы представляют большой интерес, и дальнейшее изучение их позволит нам получить более четкие и конкретные представления по истории ремесленного производства в дореволюционной Хиве и Средней Азии в целом.

А. Шамансурова

²⁰ Институт народов Азии АН СССР
Ленинградское отделение, Архив востоковедов, ф. 33, оп. 1, пап. 8.

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1990

9

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

Все это актуализирует научно-теоретическое и практическое значение предвидения, а вместе с тем возрастает и значимость дальнейшего глубокого изучения проблемы предвидения, его роли и места в научном познании, сущности познавательного процесса вообще, его закономерностей, структуры, творческой природы и др.

К. Ж. Туленова

ВНУТРЕННЯЯ ТОРГОВЛЯ В ХИВИНСКОМ ХАНСТВЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В традиционном хозяйственном укладе населения Хивинского ханства XIX в. значительное место занимала внутренняя торговля, сосредоточенная на базарах городов и селений. Главными торговыми центрами и рынками сбыта были Хива и Новый Ургенч¹.

Удобное географическое положение (близость Амударьи и больших караванных дорог, связывавших ханство с Россией и Бухарой) также способствовало сосредоточению оптовой торговли в Хиве, Новом Ургенче, других городах, что играло большую роль в экономической жизни края².

Всего в ханстве существовало 35 базаров. Из них 24 считались подшальчными (ханскими и вакуфными), остальные 11 были собственностью частных лиц³. Кроме Хивы и Нового Ургенча, большие базары имелись в Ханки, Хазараспе, Клычниязбае, Шавате, Гурлене, Мангыте, Кунграде, Ходжейли, Ташаузе и других пунктах⁴, которые к середине XIX в. становятся торгово-ремесленными центрами с базарами и караван-сараями — местами временного пребывания торговцев и складами для привезенных или купленных ими товаров.

В 60 — начале 70-х годов XIX в. на базарах ханства насчитывалось более 2 тыс. лавок. Например, в г. Хиве имелось 400 лавок на крытом базаре и 50 — в караван-сараях⁵, в Хазараспе — 400 лавок⁶, в Ходжейли, Новом Ургенче и Ташаузе — по 300, в Гурлене — 200⁷, Кунграде — 315⁸, Куня-Ургенче — 100, Шавате и Шах-Аббас-Вали — 34 лавки⁹.

Базары обычно были расположены на небольшом расстоянии друг от друга — примерно 30—35 верст. Так, расстояние между базарами Хивы и Нового Ургенча составляло 36 верст, между Хазараспом и Ханками — 38, Ишан-базаром и Новым Ургенчем — 3/, Багатом и Новым Ургенчем — 28, Хивой и Ханками — 40 верст¹⁰.

Как правило, базары размещались в центральной части города или селения. Торговля в основном шла в базарные дни: в Хиве — по понедельникам и четвергам, в Новом Ургенче — по воскресеньям и средам, в Ханки и Кяте — по вторникам и субботам, в Хазараспе — по понедельникам и пятницам, в Ишан-базаре — по четвергам и воскресеньям¹¹; в прочие дни в основном торговали табаком, чаем, рисом, керосином, спичками в нескольких маленьких дуканах в разных частях базара¹².

В базарные дни жители из окрестных мест приезжали для продажи продуктов своего труда и закупки необходимых им товаров. Покупали они в основном продукты сельского хозяйства, а также изделия ремесленников и предметы фабрично-заводского производства.

В эти дни к базарам стекались и временные торговцы — ремесленники со своими изделиями, земледельцы — с хлебом и другими продуктами, кочевники — со скотом и изделиями из шерсти¹³.

При этом явно сказывалось тяготение окрестных жителей к определенным базарным пунктам. Например, кочевые жители Амударьинского отдела и казахи нескольких Казалинских волостей съезжались на базары в северные районы ханства, большей частью к Кунграду¹⁴.

¹ Туркестанский сборник. Т. 30. С. 93 (Военно-статистический сборник. Вып. III. СПб., 1887).

² Материалы по районированию Средней Азии. Кн. 2. Ч. 2. Ташкент, 1926. С. 86.

³ Садыков А. С. Экономические связи Хивы с Россией во второй половине XIX — начале XX века. Ташкент, 1965. С. 109.

⁴ Иванов П. П. Архив хивинских ханов XIX в. Л., 1940. С. 140—141.

⁵ Гулямов Я. Г. Памятники города Хивы. Ташкент, 1941. С. 32.

⁶ Туркестанские ведомости. 1874. № 2.

⁷ Там же. № 12.

⁸ Желябужский Е. Очерки завоевания Хивы. М., 1875. С. 59 (Туркестанский сборник. Т. 42. С. 109—110).

⁹ Туркестанские ведомости. 1874. № 14.

¹⁰ Современный кишлак Средней Азии. Вып. 2. Ташкент, 1926. С. 109.

¹¹ Туркестанские ведомости. 1874. № 12 (Материалы по районированию Средней Азии. С. 109—111).

¹² ЦГИАЛ, ф. 183, оп. 1, д. 12, л. 5 об.

¹³ Обзор Сыр-Дарьинской области: Приложение к всеподданнейшему отчету военного губернатора области за 1885 г. СПб., 1886. С. 201—202.

¹⁴ ЦГА УзССР, ф. И-2, оп. 1, д. 291, л. 93.

В Ходжейли приезжали и каракалпаки с правого берега Амударьи, пригонявшие скот и торговавшие продуктами скотоводства.

«Внутренняя торговля в Хивинском ханстве,— отмечал подполковник Г. И. Данилевский,— довольно деятельна, по причине значительного числа кочевых народов, стекающихся на его базары для мены скота на некоторые жизненные припасы»¹⁵.

Территория базаров таких крупных центров, как Хива, подразделялась на отдельные торгово-ремесленные ряды: хлопковый базар, кунжутный, зерновой, базар хлопковых семян, рисовый, марены и табака, коконов, бакалейный, лепешек, по продаже свечей и мыла¹⁶.

Базар по продаже скота, в свою очередь, разделялся по видам скота: базар, где продавали лошадей (от бозор), баранов (куй бозор) и др. Так, Ильялы считался главным базаром, где торговали лошадьми¹⁷. На базарах Кунграда, Ходжейли и Чимбая продавали не только скот, но и продукты животноводства¹⁸. Рядом с базарами скота шла купля-продажа клевера.

Базарная площадь крупных городов размещалась на одной из центральных улиц. По одну ее сторону торговали сельскохозяйственными продуктами, на противоположной — шла торговля произведениями ремесленного производства.

«В Средней Азии почти всякий базар или базарчик на лето крылся, но это делалось наскоро, кое-как, с помощью перекинутых через улицу жердей, на которые набрасывался камыш или плетенка»¹⁹.

Крытый же базар в Хиве состоял из двух больших купольных помещений. С востока и запада на базар вели большие арочные ворота. По планировке и назначению на нем специально велась торговля шелком и шелковыми изделиями. Возле ворот Палван-Дарваза был крытый базар, лавки которого служили главным образом для торга импортными товарами: мануфактурой, галантереей, сладостями, перцем, лекарствами. Особенно оживленная торговля происходила здесь в дни больших праздников²⁰.

Базарный день круглый год начинался с раннего утра на скотном базаре, затем оживленный торг последовательно переходил с одного места на другое. И продавцы, и покупатели прежде всего спешили туда, где продавались бараны. Баран (куй) олицетворял собой достаток (поэтому прикосновение рукой ко лбу барана, затем той же рукой к собственному лбу означало передачу этой благодати на производящего жест). После этого следовали на конский базар с целью обрести удачу и счастье. Существовала поговорка: «Куй бозор — бой бозор, от бозор — бахт бозор». И только после выполнения этого ритуала приступали к торговле²¹.

Ремесленно-кустарное производство в ханстве сосредоточивалось в основном в городах. В Хиве на крытой части базара размещались ремесленные мастерские заргаров (ювелиров), кузнецов, медников, лавки торговцев мануфактурой.

Некоторые ремесленники имели на базаре свои мастерские, служившие одновременно и лавками для продажи их продукции. Так, по архивным данным, жители городов (если они не принадлежали к духовенству или администрации, либо к числу случайных людей) непременно занимались ремеслом и продавали свои произведения в базарные дни²².

«Базар в Хиве,— писал один из очевидцев,— состоит из двух узеньких улиц, с лавками, тут же на базаре имеются караван-сарай, в которых много комнат, здесь же размещалась таможня, где брали пошлину с привезенного товара, в конце сарая продают людей, недалеко от этого базара, так с полверсты, идет базар, где продают скот, потом пшеницу, и дальше идет почти вроде нашей толкучки: тут продают тулупы, халаты, сапоги, баранину и всякую необходимость»²³.

Говоря о торговых отношениях в ханстве, следует отметить сохранившиеся пережитки рабовладения и работорговли.

Ценные сведения по этому вопросу имеются у авторов 60—70-х годов XIX в., побывавших в отдельных районах ханства и видевших, как продают рабов. Невольников продавали в Хиве, Куня-Ургенче, Кунграде, Чимбае, Ходжейли, Ханках и др. Число рабов и рабынь, по словам хивинцев, доходило до 40 тыс.²⁴

По сведениям А. П. Хорошхина, в Хиве только из числа пленных в 1863 г. было 10 тыс. рабов; у одного ближайшего советника хана, Мат-Мурада было 150 рабов,

¹⁵ АВПр, «Главный архив» 1—9, оп. 8, д. 6, л. 110—110 об.

¹⁶ Иванов П. П. Архив хивинских ханов XIX в. Л., 1940. С. 139—140.

¹⁷ Гулишамбаров С. И. Экономический обзор Туркестанского района, обслуживаемого Средне-Азиатской железной дорогой. Асхабад, 1913. С. 163.

¹⁸ Лобачевский В. Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа: Хивинский район. Ташкент, 1912. С. 91.

¹⁹ Федченко А. П. Путешествие в Туркестан. Т. I. Ч. 2. СПб., 1875. С. 48.

²⁰ Гулямов Я. Г. Памятники города Хивы. С. 29—33.

²¹ Сазонова М. В. Традиционное хозяйство узбеков Южного Хорезма. М., 1976. С. 94—95.

²² ЦГИАЛ, ф. 183, оп. 1, д. 12, л. 1.

²³ Хива по рассказам пленных//Туркестанский сборник. Т. 42. С. 109—110. (Желбужский Е. Очерки завоевания Хивы. С. 83).

²⁴ ЦГИАА, ф. 483, оп. 1, д. 117, л. 10.

а на каждый базар «пригоняли за раз по 200 и более рабов»²⁵. По сообщению А. Л. Куна, молодая, красивая рабыня стояла на базаре от 40 до 250 тилля, а молодой раб продавался за 30—150 тилля²⁶. Вопреки Гапдемианскому договору, в одном из пунктов которого значилось запрещение рабства и работорговли, продажа рабов на базарах ханства продолжалась еще много лет.

Куния-Ургенч также славился большим базаром. Кроме хивинцев, там торговали и туркмены — коврами, кошмами, курджумами (хурджун), пшеницей, а также «красным» товаром²⁷.

Ходжейлинский базар имел такое же значение для каракалпаков и казахов, как Куния-Ургенч для туркмен. Базар в Ходжейли находился почти в центре города, на тесной улице, в «которой не разъехались бы две арбы, но крытой плоской кровлею», — писал один из дореволюционных авторов. По обеим сторонам улицы тянулись торговые лавки; чаще других встречались фруктовые, с сушеными плодами, свежими вишней и абрикосами, а в остальных лавках продавали халаты, сапоги из верблюжьей кожи, конские уборы, посуду, табак, чай, рыбу и др.²⁸

Рядом с фруктовыми лавками шла торговля продуктами животноводства (коровье масло, топленое баранье сало, шерсть баранов, шкуры коз и овец)²⁹.

На базарах ханства бывало много рыбы таких пород, как шип (красная рыба), усач, сом, сазан, лещ, судак. Население больше всего ценило сома, усача и особенно сазана. Большая часть рыбы продавалась на местных базарах в Кунграде, Чимбае, Ходжейли и Клыч-Кале. Доставляли ее в основном в свежем виде.

На базаре Чимбая было 36 рыбных лавок³⁰. Особенно славился рыбный базар Кунграда. «Кунградский базар, — писал А. Л. Кун, — изобилует рыбой, рисом и ячменем»³¹.

Оживленная торговля велась и на сельских базарах. Городские торговцы продавали там привезенные товары и скупали местное сырье. Но торговля была не лавочной, а караванно-ночной: торговцы постоянно переезжали со своими товарами с одного места на другое³².

На рубеже XX в. 16% населения г. Хивы составляли торговцы. Исключительно высоким был процент торговцев в Хазараспе, где они составляли 36% населения. Горожане торговали круглый год, тогда как крестьяне продавали свои продукты сезонно, с июля по октябрь³³.

Торговцы делились на ряд категорий. Наиболее распространенными были «баккалы» (бакалейщики) — мелочные торговцы предметами первой необходимости; «баззоз» — продавцы бумажных и шелковых тканей; «аттор» — москательщики и торговцы разными лекарствами; «чапан-фуруш» — продавцы халатов. Среди торговцев выделялись оптовики — «савдагар» (купец)³⁴. Они же занимались доставкой товаров в ханство. В их числе можно было встретить лиц из администрации и духовенства³⁵.

Кроме продавцов и покупателей, на базарах действовали посредники-маклеры (далалы), участвовавшие главным образом в продаже скота. Нередко под видом посредника выступали перекупщики, наживавшие себе состояние на перепродаже скота или другого товара.

Центром торговли в ханстве считался Новый Ургенч, где жили самые богатые хивинские купцы, ведущие оптовую торговлю с Россией, Бухарой и другими сопредельными странами.

В городе существовал громадный караван-сарай, в котором находился склад товаров на сотни тысяч рублей. Здесь в основном и совершались большие сделки между оптовиками и торговцами розницей.

Новый Ургенч занимал центральное положение в южной части ханства, где проживала главная масса потребителей предметов фабрично-заводской промышленности и сосредоточивалась большая часть вывозимого хлопка и семян люцерны.

Хлопком на базарах ханства торговали в течение целого года. Каждый дехканин, имевший запас хлопка, часть его продавал на базаре своего кишлака или вывозил в соседний кишлак, город³⁶.

В 50—60-х годах основную массу вывозимых семян люцерны давали низовья Амударьи. Главным местом их скупки был базар в Новом Ургенче. Крупные скупщики везли семена для продажи в Оренбург, а затем их сбывали за границу:

²⁵ Хорошхин А. П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876. С. 484; ЦГВИА, ф. 483, оп. 1, д. 117, л. 10 об.

²⁶ Кун А. Л. От Хивы до Газавата/Туркестанские ведомости. 1873. № 32.

²⁷ Лавров М. В. Туркестан (География и история края). М., 1914. С. 194.

²⁸ Алиханов-Аварский М. Поход в Хиву 1873 г. СПб., 1899. С. 191.

²⁹ Лавров М. В. Туркестан... С. 194.

³⁰ Туркестанский сборник. Т. 72. С. 277—278.

³¹ Туркестанские ведомости. 1874. № 6.

³² Обзор Сыр-Дарьинской области... С. 201.

³³ Современный кишлак Средней Азии. Вып. 2. С. 107.

³⁴ ЦГИАЛ, ф. 183, оп. 1, д. 12, л. 1 об.

³⁵ Там же.

³⁶ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 16, д. 624, л. 7.

в Италию, Германию, Америку. Хивинские семена люцерны по качеству конкурировали с французскими и итальянскими сортами, а потому стоили дороже.

Крупные торговцы скупали на базарах или непосредственно у крестьян, в селениях хлопок, марену (руян), рис, сухофрукты, кожу и др. и, упаковав их в верблюжьи туки, караванами отправляли в Россию³⁷.

Среди крупных купцов были узбеки, персы, татары и др. Как явствуют архивные материалы, купцы делились на две категории: одни занимались привозом товаров, другие — вывозом его из ханства³⁸.

С ростом торговли начинает формироваться и торговая буржуазия. Среди купцов особенно выделялись: в г. Хиве — Мухамед Керим-бай, Ходжа Сагир, Суфи-бай Ходжа, в Новом Ургенче — Шакир-бай, Хурджин, Ходжа Сагир, Мухамед Шериф Бакал³⁹, в Ханки и Хазараспе — Гаудан Разак-Берды, Вали-бай, Саидхан и др.⁴⁰

Промышленные товары поступали мелочным торговцам от оптовиков, закупавших их в городах России и в других соседних странах⁴¹. Мелочники, по данным архивных материалов, занимались перепродажей товаров и существовали на проценты от своей торговли⁴². Многие из них «прогорали», залезали в долги. Купец, торговавший не «красным» товаром, покупал его на свои деньги, тогда как «красный» товар (т. е. ткани, мануфактура) мелочник приобретал в кредит у оптовика. Мелкий торговец старался набрать в долг как можно больше товаров для удовлетворения запросов большого числа людей. Распродавая по мелочам взятый ими в кредит товар, они, однако, не всегда могли реализовать его в короткий срок. Между тем на содержание самого торговца, его семьи, лошадей, перевозивших товар с базара на базар, требовались деньги, а их не всегда удавалось выручить. Поэтому перепродавцы нередко становились неоплатными должниками оптовых торговцев. В свою очередь, оптовики не всегда могли взыскать свои долги с мелочных купцов, так как, привозя из России главным образом ситцы, оптовики поневоле старались сохранять хорошие отношения со своими должниками. В противном случае оптовик рисковал остаться с товаром без денег, которые нужны были ему для скупки вывозимого в Россию хлопка и раздачи задатков дехканам под будущий урожай⁴³.

Торговые сделки на базарах ханства осуществлялись на хивинские деньги. Серебряная монета «кокан» или «танга» (равная примерно 20 коп.) считалась основной денежной единицей. Существовала также медная монета — «пуль» или «чака»; 32 такие монеты составляли одну тангу.

Крупные расчеты производились при помощи золотой монеты — «тилля», равной 9 танга, или 1 руб. 80 коп. Изредка в обращение попадали «большие тилля» ценою в 3 руб. 60 коп.⁴⁴

В 1893 г. царское правительство запретило хивинскому хану чеканить тангу, что послужило толчком к быстрому распространению в ханстве русских денег⁴⁵.

От торговли вообще, в частности от базаров, в ханскую казну поступали значительные доходы. В частности, туда полностью поступал доход с городских базаров Мангыта, Кош-Купыра, Дарган-Ата, Питняка, Кунграда, Кыта, Киличбая и др. В пользу религиозных учреждений шли торговые сборы с базаров Астана, Хивы, Ханки, Кипчака, Ходжейлы, Куня-Ургенча, Тахты. Налоги, поступающие с Хазараспа, Шавата, Кунграда, хан и духовенство делили между собой⁴⁶.

С богатых купцов взимался особый налог — «бой пули». Он определялся ханом: после получения ханских ярлыков каждый богатый купец должен был платить определенную сумму в казну⁴⁷. Кроме того, каждый продавец должен был платить «таги жой» — плату за место на базаре и за право торговать. Этим налогом облагались все купцы, в соответствии с размером лавки, удобством ее расположения и продаваемым в ней товаром, в размере от 1 танги до 1 тилля⁴⁸.

Непосредственно на базарах торговцы платили сборщику налогов лавочный сбор — «муанат пули» и весовой сбор — «тарази пули».

В ханскую казну шел также денежный доход от маклерства — «даллал хаки», «даллалли». Этот сбор взимался с торговца и покупателя; если заключаемая между ними сделка превышала 20 тилля, то взимался налог в сумме 1 танги. Ежегодно

³⁷ Там же.

³⁸ ЦГИАЛ, ф. 183, оп. 1, д. 12, л. 6 об.

³⁹ Садыков А. С. Из истории экономических и культурных связей Хивы с Россией (1873—1917) // Труды САГУ. Новая серия. Вып. 142. Материалы к вопросу прогрессивного значения присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1958. С. 68.

⁴⁰ ЦГИАЛ, ф. 183, оп. 1, д. 12, л. 8 об.

⁴¹ Там же, л. 2 об.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, л. 3.

⁴⁴ Мак-Гакхан. Военные действия на Оксусе и падение Хивы. М., 1875. С. 225—226.

⁴⁵ ЦГВИА, ф. 483, оп. 1, д. 136, л. 5 об.

⁴⁶ Садыков А. С. Экономические связи... С. 109.

⁴⁷ Туркестанские ведомости. 1874. № 14.

⁴⁸ Мак-Гакхан. Военные действия... С. 207.

хан получал от сбора даллалы 500—1000 тилля⁴⁹. Этот налог был обязательным для всех купцов, независимо от того, участвовали ли посредники в торговой операции.

Одной из первых статей дохода ханской казны был «зякет», или пошлина с товаров, привозимых и вывозимых из ханства караванами, составлявшая около 140 тыс. руб. в год⁵⁰.

Репортер американской газеты «Нью-Йорк геральд» Мак-Гахан, ссылаясь на учетные книги ближайшего советника хивинского хана, Мат-Мурада, приводит цифры налогов, собиравшихся самим Мат-Мурадом. Так, налог, взываемый с привезенных русских товаров, составлял 2,5% и доходил до 11 тыс. малых тилля; зякет с товаров, привозимых из Бухары и других стран, составлял 8663 малых тилля⁵¹.

В ханскую казну поступал и зякет со скота. Этот сбор равнялся приблизительно 40 тыс. руб. в год. Со скота, пригоняемого на базар, взимали: с овцы — 0,5 танги, с верблюда — 2, с лошади — 2, с крупного рогатого скота — по 1 танге⁵².

Впрочем, фактически в ханскую казну попадала лишь часть податей от внутренней торговли, ибо сбор их сдавался в аренду откупщикам, которые более половины собранных сумм утаивали от хана. Сбор некоторых видов торговых податей ханы предоставляли своим родственникам и сановникам. Например, базарный сбор в Хазараспе собирал дядя хана, Инак-Ибрагим-Ходжа, который уже от своего имени сдавал базар в аренду⁵³. Базарный сбор в г. Хиве был отдан на откуп Мат-Мураду диван-беги. Каждый год он вносил в пользу религиозных учреждений 2000 тилля (3600 руб.), а остальную выручку — до 18 тыс. руб. — утаивал от хана⁵⁴.

С купцов, однако, все подати взимались неукоснительно, что отрицательно сказывалось на состоянии торговли (порою дело доходило до разорения торговцев)⁵⁵.

В заключение надо отметить, что базары были не только пунктами торговли, но и местом оживленного общения мужской части населения. Здесь обменивались новостями, проводились деловые и другие встречи и т. п.

Базары содействовали развитию товарного обращения в ханстве, его экономических связей с другими районами Средней Азии, с кочевой степью, соседними странами, а особенно с Россией. Все это способствовало изживанию былой экономической замкнутости ханства, сложению единого внутреннего рынка.

Э. Сагдиев

⁴⁹ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 29, д. 138, л. 4.

⁵⁰ Тухтаметов Т. Г. Россия и Хива в конце XIX — начале XX вв. М., 1969. С. 115.

⁵¹ Мак-Гахан. Военные действия... С. 206—207.

⁵² Туркестанские ведомости. 1873. № 32.

⁵³ ЦГИАЛ, ф. 183, оп. 1, д. 16, л. 3—3 об.

⁵⁴ Там же, л. 3 об.

⁵⁵ См.: Рожкова М. К. Экономические связи России со Средней Азией: 40—60-е годы XIX века. М., 1963. С. 40.

О ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ ПАЛЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

Проблемы палеолита на территории Средней Азии и Южного Казахстана в течение нескольких лет разрабатываются автором этих строк на основе анализа богатого археологического материала, добытого нами в результате 20 лет полевых работ на многослойной палеолитической стоянке Кульбулак, тщательной обработки объектов индустрии многих палеолитических памятников, хранящихся в фондах Ленинграда, Москвы, Нукуса, Самарканда, Ташкента, и критического анализа литературы по палеолиту Средней Азии и Южного Казахстана.

За последние два-три десятилетия в ходе плановых работ на территории указанного региона открыты многочисленные разновременные палеолитические памятники, исследование которых показало, что территория Средней Азии и Казахстана, в том числе Узбекистана, в эпоху палеолита была широко заселена первобытными людьми. Следовательно, этот культурно-исторический регион можно включить в число древнейших очагов формирования и развития человечества на территории нашей страны.

Однако, как выяснилось из анализа источниковедческой базы, палеолит на территории Средней Азии и юга Казахстана, как, впрочем, и других обширных регионов, изучен очень неравномерно, а потому имеется ряд проблем, требующих своего решения.

Так, на территории Средней Азии и Казахстана пока выявлено всего два памятника позднеолдувайской эпохи: один из них — Кульдара в Южном Таджикистане¹, другой — в долине р. Арыстанды Южного Казахстана².

¹ Ранов В. А. Исследование палеолитических стоянок Южного Таджикистана // Археологические открытия (АО) 1982 г. М., 1983. С. 503; Додонов А. Е. Антропоген Южного Таджикистана. М., 1986. С. 41.

² Алпысбаев Х. А. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. Алма-Ата, 1979. С. 15—26.